

РЕМЕТАФОРИЗАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ДИСКРЕДИТАЦИИ ПОЗИЦИИ ПРОПОНЕНТА (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧЕЙ РОССИЙСКИХ ДЕПУТАТОВ НАЧАЛА XX В.)

Е. П. Дулесов, С. Р. Зайнуллина

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

Рассматривается реметафоризация — особый прием игры на понижение в полемическом дискурсе, заключающийся в том, что оппонент отвергает метафору пропонента и предлагает свою контрметафору. На материале дореволюционных думских речей показано, что оратор может остаться в рамках сферы-источника, заданной исходной метафорой, или ввести иную понятийную область для концептуализации сферы-мишени.

Ключевые слова: *метафора, парламентский дискурс, дискредитация, реметафоризация.*

Метафора издавна являлась излюбленным приемом ораторов, и это вполне закономерно, поскольку, как показали исследования в русле когнитивной лингвистики, это не только средство выразительности, повышающее эстетические качества речи, но и инструмент осмысления абстрактных феноменов. При этом зачастую с помощью метафоры говорящий предлагает адресату сделать вывод или принять решение в сложной проблемной ситуации, опираясь на знания о простых и конкретных областях человеческого опыта. Например, с древности правящие классы обосновывали неравенство социальных групп, обращаясь к метафоре организма: подобно тому как каждый физиологический орган или часть тела выполняет определенную функцию, каждый социальный класс занимает свое место в иерархии общественных отношений и обладает четко обозначенным набором прав и обязанностей.

Нетрудно заметить, что, представляя одну понятийную область (**сферу-мишень**) с помощью другой понятийной области (**сферы-источника**), метафора подчеркивает, или «высвечивает» (профилирует), одни стороны понятия и скрывает, или «затемняет», другие. В связи с этим философ М. Блэк сравнил метафору с фильтром: она фокусирует внимание на необходимых для говорящего свойствах сферы-мишени и одновременно препятствует тому, чтобы адресат заметил ее другие свойства, по той или иной причине нежелательные для адресанта [2. С. 165]. Психологи М. Ландау, Л. Кифер и З. Ротшильд иллюстрируют это свойство метафоры следующим примером. Когда банкротство компании метафорически осмысливается как транспортная авария, вина возлагается исключительно на генерального директора, поскольку

именно он выступает в роли водителя, не справившегося с управлением. При этом не учитываются такие факторы, как действия других лиц (работников) или состояние национальной экономики [15. С. 127]. Как указывает С. Г. Кара-Мурза, «хорошая метафора очаровывает и загоняет мышление в узкий коридор, выход из которого (умозаключение) предусмотрен манипулятором» [6. С. 442]. Таким образом, метафора может становиться действенным инструментом речевого воздействия и речевой манипуляции.

Однако необходимо иметь в виду, что когнитивная метафора обладает наибольшей силой воздействия тогда, когда используются не единичные метафорические контексты, а целые «сети» метафорических словоупотреблений на основе единого исходного концептуального поля, образующие в сознании реципиента устойчивые, непрерывные связи между формируемыми неязыковыми образами и действительностью [4. С. 54]. Конвенциональные метафоры, объединенные в сети (метафорические модели), имплицитно формируют положительную или отрицательную оценку [10. Р. 35—36]; их систематическое употребление притупляет критическое мышление адресата и служит для получения необходимой адресанту реакции [13. Р. 124]. В тех же случаях, когда говорящий с целью воздействия на аудиторию использует в своей речи единичную индивидуально-авторскую метафору, ее прагматический потенциал может быть эффективно нейтрализован, особенно если адресатом является опытный противник.

В полемическом дискурсе (например, парламентском или судебном) каждый выступающий должен быть предельно внимателен к речам предыдущих

ораторов, поскольку в его задачи входит как обоснование своей позиции, так и опровержение позиции противника. Оратор высказывает свое отношение к содержанию предшествующего высказывания, оценивает его, а в некоторых случаях использует реплику пропонента в иных (обычно оппозиционных) коммуникативных целях (это явление Н. Д. Арутюнова назвала «диалогической цитацией» [1. С. 50]). При этом немаловажно, что мишенью критики может становиться не только содержательная сторона речи противника, его аргументация, но и языковые особенности его выступления. Комментарий, содержащий негативную оценку языковых средств, использованных противником, выступает как инструмент дискредитации его коммуникативной позиции, поскольку, как отмечает Т. А. Воронцова, ««лингвистические» претензии адресанта призваны дискредитировать содержательную сторону высказывания оппонента: если то, что сказано, неправильно по форме, то неубедительно и по содержанию» [3. С. 576].

В полемическом дискурсе в фокусе метаязыковой рефлексии может оказаться метафора, прежде всего креативная, развернутая. Рефлексирующий адресат, а в особенности критически настроенный противник, может дать такой метафоре отрицательную оценку в своем выступлении и тем самым подорвать позицию пропонента. Такой полемический прием мы предлагаем называть **дискредитацией метафоры**. При этом, по нашим наблюдениям, он реализуется с помощью нескольких способов: оппонент может указать на неуместность исходной метафоры, довести ее до абсурда, вывести из нее следствия, подтверждающие его собственную позицию, использовать предложенный образ для концептуализации иной сферы-мишени и т. д. В данной статье мы рассмотрим способ дискредитации метафоры противника, в рамках которого оппонент отвергает метафору пропонента и предлагает свою «контрметафору». Для обозначения этого способа мы используем термин «**ре-метафоризация**», который обычно применяется в переводоведении и понимается как особый тип трансформации, предполагающий замену одной метафоры исходного текста на другую метафору в тексте перевода.

Прежде всего перед оппонентом стоит выбор — использовать метафору той же сферы-источника, что и метафора-стимул, или ввести метафору из новой сферы-источника. По нашему предположению, первый вариант оказывает на аудиторию большее воздействие и вследствие этого встречается гораз-

до чаще. К такому же выводу экспериментальным путем пришел американский психолог Дж. С. Мио. В качестве примера ученый привел дискуссию вокруг попыток Литвы отделиться от СССР в начале 1990-х гг. В телепередаче канала ABC представитель Советского Союза доказывал, что отношения между странами напоминают развод, а это значит, что нужно, не разрывая официально отношений, пожить какое-то время раздельно, чтобы понять, смогут ли они друг без друга. И только спустя какое-то время страны могут разделить общее имущество и расстаться. На это представитель Литвы возразил, что страны никогда не были в браке, Литва была просто изнасилована (*Lithuania was simply raped*). Она требует немедленного объявления своей независимости, поскольку подвергаться насилию и дальше не представляется разумным и возможным. Таким образом, представитель Литвы отверг метафору советского представителя и использовал контрметафору, но остался при этом в рамках той же сферы-источника, поскольку и развод, и изнасилование — это, по определению Дж. С. Мио, «плохие отношения между мужчиной и женщиной» (*a bad relationship between a man and a woman*). Эксперимент Дж. С. Мио заключался в том, что испытуемым предлагалось оценить несколько реакций на исходную метафору советского политика. Одна реакция, основанная на введении новой метафоры из той же сферы-источника, была взята из реальной речи литовского представителя (*Литва была изнасилована*); остальные реакции были сконструированы искусственно. Среди них было опровержение метафоры-стимула с помощью буквального утверждения и два примера введения новой метафоры из другой сферы-источника: 1) СССР и Литва — два корабля, разминувшиеся в ночи (*two ships passing in the night*); 2) Литва — это пленник злого советского режима (*a prisoner being held captive by an evil Soviet regime*). Эксперимент показал, что более убедительным для испытуемых был ответ литовского представителя, содержащий контрметафору из той же сферы-источника, что и метафора-стимул [16].

Коллеги Дж. С. Мио, уточняя его выводы, пришли к заключению, что развитие метафоры в рамках той же сферы-источника наиболее действенно в тех случаях, когда исходная метафора не просто выступает как украшение речи, а обладает высокой эпистемологической ценностью, то есть способствует глубокому осмыслению проблемы. Подобный феномен с точки зрения психологии объясняется следующим образом: если адресат уже произвел

проекцию одной ментальной области на другую и начал осмыслять проблемную ситуацию с опорой на данную сферу-источник, оппоненту будет гораздо удобнее внедрить новые представления в сознание адресата, оставаясь в рамках той же понятийной области, чем вводить новую сферу-источник или предлагать контраргументы, основанные на логике [14. Р. 65].

Рассмотрим несколько примеров реметафоризации на материале речей российских депутатов начала XX в. Выбор материала обусловлен тем, что для любого парламентского дискурса характерен высокий уровень полемичности, а политическая борьба в Государственной думе Российской империи была особенно ожесточенной.

Правый депутат Н. Е. Марков, выступая за проект, ограничивающий участие польских дворян в земстве западных губерний, использовал зооморфную метафору. Поляков он сравнивает с волками, профилируя идею их агрессивности по отношению к русскому народу, который, в свою очередь, изображается как стадо овец. Оратор соглашается с тем, что волк вправе идти в овчарню и «выполнять свои волчьи потребности», ведь так устроила его природа. Тем самым Н. Е. Марков признает, что у поляков действительно есть основания отстаивать свои национальные интересы и одновременно вредить русскому государству. Однако себя он позиционирует как пастуха, чья обязанность — защитить вверенное ему стадо и перебить волку ноги:

1) *Вам [обращается к оппозиционным депутатам]... интересны волки, это дело ваше, волчья философия на вашей стороне, но мне интересны мои овцы, я пастух моих овец, их я оберегаю, ибо я защищаю вверенное моему попечению* (08.05.1910).

Представляя поляков как опасных, агрессивных врагов, правый депутат одновременно прибегает к положительной самопрезентации, задействуя библейскую метафору: в Евангелии Иисус Христос сравнивается с пастухом, пастырем, а верующие описываются с помощью лексем *стадо*, *агнцы*.

Развернутая метафора Н. Е. Маркова стала мишенью критики в речи левого депутата И. П. Покровского:

2) *Мы полагаем, что заявление Маркова относительно смысла этой борьбы неверно. Он говорит, что там, на Западе, мы, русские дворяне, являемся пастырями, которые ограждают овец от волков. Я думаю, что эти будущие русские помещики — жадные шакалы, которые оттеснены волками от овец* (11.05.1910).

Мы видим, что И. П. Покровский остается в рамках метафорической модели «Политика — это животный мир», которая была задана метафорой Н. Е. Маркова, сохраняя при этом «метафорические роли» поляков (*волки*) и простого народа (*овцы*). Однако левый оратор не соглашается с тем, что Н. Е. Марков и в целом русские дворяне имеют право позиционировать себя как пастырей. Здесь он и использует прием реметафоризации: русское дворянство в его изображении — это не пастыри, а *жадные шакалы*. Негативно окрашенная контрметафора призвана подчеркнуть, что Н. Е. Марков и сословие, к которому он принадлежит, представляют для русского народа такую же опасность, как и польские дворяне (поскольку и те и другие — хищники), более того, русские помещики, устранив конкурентов и получив власть в земстве, продолжают эксплуатацию крестьян, начатую поляками (поскольку шакал питается падалью [8]). В упрощенном виде реметафоризацию в примере 2 можно представить в виде формулы: «Мой противник говорит, что X — это Y . Это неверно. На самом деле X — это не Y , а Z », где X — это объект метафоризации (русское дворянство), Y — исходная метафора (пастыри), а Z — контрметафора (шакалы).

Другой вариант реметафоризации можно продемонстрировать на следующем примере. Выступая во II Государственной думе, кадет Н. Н. Кутлер резко осудил некоторых депутатов, которые отказывались дать правительству разрешение набрать новобранцев в армию на текущий год. По мнению оратора, такая позиция, с одной стороны, являлась антигосударственной, подрывающей внешнюю безопасность Российской империи, а с другой — безответственной, поскольку правительство могло воспользоваться особой статьей основных законов и набрать новобранцев и без разрешения Думы. Н. Н. Кутлер полагал, что члены парламента обязаны нести «ответственность за содержание законодательных актов», а не позволять исполнительной власти действовать по своему усмотрению. В связи с этим он использует по отношению к своим противникам следующую метафору:

3) *При действии статьи 119 основных законов отказ правительству произвести набор новобранцев есть не что иное, как лицемерие, как умывание рук, подобно Понтийскому Пилату* (17.04.1907).

Как известно из Евангелия, римский наместник Понтий Пилат отдал решение о судьбе Иисуса на откуп его врагам и сложил с себя ответственность, совершив символический ритуал умывания рук. В русском языке закрепился фразеологизм

умывать руки ‘устраниться от ответственности за что-либо’ [9. С. 780].

Г. А. Алексинский, депутат от РСДРП, призывавший не давать ни одного солдата правительству, отреагировал на рассмотренное высказывание Н. Н. Кутлера следующим образом:

4) ...*Нас во имя патриотизма призывали дать солдат; нам говорили, что мы фарисейски умываем руки наподобие Понтийского Пилата... Буду разбирать, правильно ли утверждение о том, [что] те, кто отказывает дать солдат для угнетения народа, поступают, как Понтийские Пилаты, умывая свои руки, или же, наоборот, — поступают не как Понтийские Пилаты, а как Иуды-предатели, те, кто готовит новую силу против народа, кто кует новые цепи и дает возможность правительству этими цепями снова сковывать народ (17.04.1907).*

Вместо метафоры «Тот, кто выступает против правительственного законопроекта, — это Понтий Пилат» левый оратор вводит свою метафору «Тот, кто поддерживает правительственный законопроект, — это Иуда». Контрметафора Г. А. Алексинского, относясь к той же метафорической модели «Политика — это библейский текст», обладает гораздо большим инвективным потенциалом, чем метафора-стимул, поскольку имя апостола, выдавшего Иисуса Христа за 30 сребреников, связано в христианской культуре с самым страшным предательством. В русском языке оно перешло в разряд нарицательных и получило в словарях помету «бранное» (например, в [8]).

Важно подчеркнуть, что Г. А. Алексинский открыто не оскорбляет своих противников, формально он лишь предлагает альтернативу. Но затем, приводя многочисленные факты, доказывающие, что армия превратилась в «орудие угнетения пролетариата», оратор все решительнее подталкивает адресата к однозначному заключению:

5) *Вот теперь, когда вам известны все эти факты, решайте, будет ли умыванием рук, подобно Понтийскому Пилату, не дать правительству полумиллиона солдат для того, чтобы оно, как в этих воззваниях, могло науськивать их на сознательные элементы страны, или будет предательством Иуды Искариота расписаться под предложением Военного министра.*

Таким образом, в примерах 4 и 5 выступающий не только заменяет исходный образ (Понтий Пилат — Иуда Искариот), но и метафоризирует иной объект. Противники обмениваются метафорами-инвективами из одной сферы-источника,

реметафоризация строится по формуле «Наши противники утверждают, что мы — это Y. А мы утверждаем, что наши противники — это Z».

Как уже отмечалось, предлагая свою контрметафору для дискредитации коммуникативной позиции пропонента, оратор чаще остается в границах той понятийной области, которая была задана метафорой-стимулом. Однако встречаются единичные примеры, в которых чужая метафора заменяется на свою метафору из другой сферы-источника. Рассмотрим один из них.

Во время обсуждения судебной реформы октябрист Н. П. Шубинский выступил с законопроектом, предполагавшим введение мирового суда и упразднение волостного суда. Эту мысль оратор выразил в метафорической форме:

6) *Разумеется, чтобы что-нибудь построить на известном одном и том же месте, необходимо срыть ту постройку, которая существует на этом месте; чтобы восстановить мировой институт, необходимо устранить то, на смену чего он придет (30.10.1909).*

Архитектурная метафора изображает судебную реформу как строительство здания, профилируя идею рациональной деятельности.

Член фракции правых епископ Митрофан, выступая за сохранение волостного суда и против введения мирового суда, дал отрицательную оценку метафоре Н. П. Шубинского:

7) *Говоря о непригодности волостного суда, он [докладчик] сделал, и потом не раз повторил, такое образное сравнение: когда приступают к возведению нового здания, то прежде уничтожают старые постройки. ...С ним можно бы согласиться, если бы дело касалось механической, бездушной постройки, а не живого творчества, захватывающего самые жизненные и существенные интересы людей, которых, при всем их невежестве, нельзя все же сравнивать с простым строительным материалом. А вот, они не укладываются в ряды, чтобы на них искусный зодчий возводил архитектурную постройку. Они настойчиво требуют активного участия для себя в строительстве, они желают внести свое сильное разумение (09.11.1909).*

В данном фрагменте правый оратор стремится разрушить образ рациональной преобразовательской деятельности. Для этого он прибегает к приему, состоящему в том, что говорящий фокусируется на конкретной детали метафорического фрейма или сценария. Подобный прием П. Чилтон и М. В. Ильин обозначают терми-

ном *particularization*, что может быть переведено как «детализация» [12. Р. 13]. Если речь идет о строительстве здания, значит, можно говорить и о строительном материале. Епископ Митрофан убеждает аудиторию в том, что в представлении Н. П. Шубинского таким строительным материалом являются живые люди, но такое сравнение абсолютно недопустимо (*нельзя сравнивать*), поскольку люди являются активными деятелями. Более того, правый оратор с иронией возвешивает автора законопроекта, сравнивая его не просто с архитектором, а с *искусным зодчим*. В данном случае он использует коммуникативный ход «Он не похож на N, хотя и претендует» [5. С. 173], имеющий целью развенчание притязаний политического противника.

Дискредитировав таким образом исходную метафору, епископ Митрофан предлагает контрметафору:

8) *И не со зданием, которое подлежит ломке, а скорее со старым и вековым деревом сравнил бы я волостной суд, с деревом, с которого многие поколения пользовались плодами.*

С помощью метаязыкового комментария, который строится по формуле «Я сравнил бы X не с Y, а с Z», правый оратор вводит новую сферу-источник — «Растительный мир». Фитоморфная метафора «Волостной суд — это дерево» подчеркивает, что волостной суд существовал очень долго (*старое и вековое дерево, многие поколения*) и был эффективен (*многие поколения пользовались плодами*). Далее епископ Митрофан продолжает разворачивать предложенный образ, представляя упадок волостного суда в виде метафорического сценария:

9) *Но, как и всегда бывает, когда нет надлежащего надзора, срывают плоды, рвали и ломали вместе и сучья, утаптывали почву кругом, всячески вредили этому дереву, и дерево стало дряхлеть, покрылось наростами, и вот оно готово зачехнуть.*

Выступающий не только объясняет, почему волостной суд пришел в упадок (*нет надлежащего надзора*), но и, апеллируя к эмоциям адресата, стремится вызвать сочувствие к объекту метафоризации. Затем епископ Митрофан предлагает новые метафоры для характеристики личности самого Н. П. Шубинского и суда, который тот предлагает ввести. Октябрист-реформатор сравнивается уже не с архитектором, а с хозяином, который *до сих пор мало жил дома и привык питаться иностранными фруктами*, что должно коммуникативно высветить

отсутствие связей с Россией, ее традициями и слепое преклонение перед Западом. Мировой суд же изображается как новое дерево:

10) *И вот, господа, готов погнубить великан, и на его месте потянется новое, тощее дерево, правда, из хорошего питомника; но вопрос в том, выдержит ли оно все невзгоды, привьется ли оно на почве, не всегда благодарной?*

Епископ Митрофан последовательно создает положительный образ старого суда и отрицательный — суда нового. Выстраивается метафорическая антитеза: с одной стороны, *старое и вековое дерево, великан*, который, быть может, *готов зачехнуть*, но *корни и ствол его еще здоровы*, с другой — *молодое, тощее дерево*, не приспособленное к суровым российским условиям. Правый оратор призывает дать еще один шанс волостному суду и предупреждает:

11) *Ведь рубить сплеча не хитро, но срубленное не отрастет.*

Последнее высказывание (11) имеет форму афоризма и, как следствие, звучит безапелляционно. В нем содержится языковая игра: актуализируется внутренняя форма фразеологизма *рубить сплеча* ‘действовать, поступать прямолинейно, часто необдуманно, сгоряча’ [7], и «реанимированный» образ включается в развернутое метафорическое описание суда как дерева.

В реакции епископа Митрофана на высказывание Н. П. Шубинского мы увидели еще один вариант дискредитации метафоры политического противника. В данном случае оппонент открыто выражает свое несогласие с выбором исходной сферы-источника, и это несогласие связано с различиями в политической идеологии. Для политиков-консерваторов чрезвычайно важна оппозиция «естественный — искусственный»; при этом все, что естественно, оценивается позитивно, все искусственное осуждается. Только естественный ход событий несет благо, а всякое преобразование, всякая ломка — это аномалия. Именно поэтому правые политики так часто прибегают к природоморфной метафоре и игнорируют метафору механистическую. В рассмотренном примере правый оратор постулирует эту мысль эксплицитно: *С ним можно бы согласиться, если бы дело касалось механической, бездушной постройки, а не живого творчества, захватывающего самые жизненные и существенные интересы людей*. Именно поэтому он отвергает рациональную архитектурную метафору, обозначающую перестройку судебной системы, и вводит свою контрметафору, растительную,

эмоционально заряженную, профилирующую идею постепенного, естественного развития.

Итак, одним из приемов дискредитации коммуникативной позиции противника является отрицательная оценка использованных в его речи языковых средств. Объектом подобной метаязыковой рефлексии может стать метафора, особенно яркая, развернутая, индивидуально-авторская. По удачному выражению Дж. Чартериса-Блэка, для того чтобы убеждение стало искусством, его искусственность не должна быть очевидной (for persuasion to become an art, its artifice should not be apparent) [11. Р. 9]. Оратору всегда нужно помнить о том, что креативная, искусно построенная метафора может быть использована против своего создателя: предлагая скептически настроенной аудитории яркий, запоминающийся

образ, он рискует стать мишенью жесткой критики. Среди различных средств нейтрализации прагматического воздействия метафоры (указание на ее неуместность, доведение до абсурда, выведение из нее противоположных следствий) особое место занимает реметафоризация: оппонент отвергает метафору пропонента и предлагает свою контрметафору. При этом он может остаться в рамках сферы-источника, заданной исходной метафорой, или же ввести иную понятийную область для концептуализации сферы-мишени. Новая метафора способна поменять оценку объекта метафоризации на прямо противоположную, коммуникативно высветить такие аспекты сферы-мишени, которым в предыдущем выступлении не было уделено внимание, а также дискредитировать личность пропонента.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Диалогическая цитация (к проблеме чужой речи) // Вопросы языкознания. 1986. № 1. С. 50—64.
2. Блэк М. Метафора / пер. с англ. М. А. Дмитриевской // Теория метафоры / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 153—172.
3. Воронцова Т. А. Речевая агрессия, толерантность, вежливость // Язык СМИ и политика / под ред. Г. Я. Солганика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. С. 569—611.
4. Зарипов Р. И. Метафорическое моделирование образа России в современном французском политическом дискурсе. М.: Р. Валент, 2016. 220 с.
5. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.
6. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005. 832 с.
7. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999.
8. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Совет. энцикл.: ОГИЗ, 1935—1940.
9. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / авт.-сост. В. Серов. М.: Локид-Пресс, 2005. 880 с.
10. Charteris-Black J. *Corpus approaches to critical metaphor analysis*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. 263 p.
11. Charteris-Black J. *Politicians and rhetoric. The persuasive power of metaphor*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. 370 p.
12. Chilton P., Iyin M. *Metaphor in political discourse: the case of the 'common European house'* // *Discourse & society*. 1993. № 1. P. 7—31. URL: https://www.researchgate.net/publication/246811389_Metaphor_in_Political_Discourse_The_Case_of_the_Common_European_House.
13. Edelman M. *The symbolic uses of politics*. Urbana: Univ. of Illinois Press, 1985. 221 p.
14. Landau M., Keefer L., Swanson T. "Undoing" a rhetorical metaphor: testing the metaphor extension strategy // *Metaphor and symbol*. 2017. № 2. P. 63—83. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10926488.2017.1297619>.
15. Landau M., Keefer L., Rothschild Z. *Epistemic motives moderate the effect of metaphoric framing on attitudes* // *Journal of experimental social psychology*. 2014. Vol. 53. P. 125—138. URL: https://www.academia.edu/31680755/Epistemic_motives_moderate_the_effect_of_metaphoric_framing_on_attitudes.
16. Mio J. S., Katz A. N. *Metaphor, politics, and persuasion* // *Metaphor: implications and applications*. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, 1996. P. 127—146.

Сведения об авторах

Дулесов Евгений Павлович — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики Удмуртского государственного университета, Ижевск, Россия. evdules@gmail.com

Зайнуллина Саида Радиковна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики Удмуртского государственного университета, Ижевск, Россия. s.r.zajnullina@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 7 (453). *Philology Sciences. Iss. 125. Pp. 61—68.*

REMETAPHORIZATION AS AN INSTRUMENT TO DISCREDIT A PROPONENT'S POSITION (BASED ON THE STATE DUMA MEMBERS' SPEECHES OF THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY)

E. P. Dulesov

Udmurt State University, Izhevsk, Russia. evdules@gmail.com

S. R. Zaynullina

Udmurt State University, Izhevsk, Russia. s.r.zajnullina@gmail.com

The Russian Imperial Duma members often expressed their most significant thoughts in the form of extended creative metaphors. However, a critical attitude toward an adversary's metaphor is typical of political discourse, and the opponent in their speech can discredit the proponent's metaphor by various techniques. This article considers one of them — remetaphorization, that is rejection of the proponent's metaphor and introduction of the opponent's 'counter-metaphor'. The analysis shows that the speaker can either keep the original source domain or propose a new one. It is concluded that remetaphorization has great pragmatic potential; it enables the politician to highlight new aspects of the target domain, refute the adversary's argument and undermine their professional credibility and reputation.

Keywords: *metaphor, parliamentary discourse, discrediting, remetaphorization.*

References

1. Arutyunova N. D. (1986) *Voprosy yazykoznaniiya*, no. 1, pp. 50—64 [in Russ.].
2. Black M. (1990) *Metafora [Metaphor]. Teoriya metafory [The theory of metaphor]*. Moscow, Progress Publ. Pp. 153—172 [in Russ.].
3. Voroncova T. A. (2012) *Rechevaya agressiya, tolerantnost', vezhlivost' [Speech aggression, tolerance, politeness]. Yazyk SMI i politika [Mass Media Language and Politics]*. Moscow, Moscow Univ. Publ. Pp. 569—611 [in Russ.].
4. Zarirov R. I. (2016) *Metaforicheskoe modelirovanie obraza Rossii v sovremennom francuzskom politicheskom diskurse [Metaphorical modeling of the image of Russia in modern French political discourse]*. Moscow, R. Valent Publ. 220 p. [in Russ.].
5. Issers O. S. (2008) *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi [Communicative strategies and tactics of the Russian speech]*. Moscow, LKI Publ. 288 p. [in Russ.].
6. Kara-Murza S. G. (2005) *Manipulyaciya soznaniem [Manipulation of Consciousness]*. Moscow, Eksmo Publ. 832 p. [in Russ.].
7. Evgen'eva A. P. (1999) *Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]: in 4 vol.* Moscow, Russian language Publ., Poligrafresursy Publ. [in Russ.].
8. Ushakov D. N. (1935—1940) *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language] in 4 vol.* Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., OGIz Publ. [in Russ.].

9. Serov V. (2005) Enciklopedicheskij slovar' krylatyh slov i vyrazhenij [Encyclopedic dictionary of proverbial expressions]. Moscow, Lokid-Press Publ. 880 p. [in Russ.].
10. Charteris-Black J. (2004) *Corpus approaches to critical metaphor analysis*. Basingstoke, Palgrave Macmillan. 263 p.
11. Charteris-Black J. (2011) *Politicians and rhetoric. The persuasive power of metaphor*. Basingstoke, Palgrave Macmillan. 370 p.
12. Chilton P., Ilyin M. (1993) *Discourse & society*, no. 1, pp. 7—31. Available at: https://www.researchgate.net/publication/246811389_Metaphor_in_Political_Discourse_The_Case_of_the_Common_European_House, accessed 01.12.2020.
13. Edelman M. (1985) *The symbolic uses of politics*. Urbana, University of Illinois Press. 221 p.
14. Landau M., Keefer L., Swanson T. (2017) *Metaphor and symbol*, no. 2, pp. 63—83. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10926488.2017.1297619>, accessed 01.12.2020.
15. Landau M., Keefer L., Rothschild Z. (2014) *Journal of experimental social psychology*, no. 53, pp. 125—138. Available at: https://www.academia.edu/31680755/Epistemic_motives_moderate_the_effect_of_metaphoric_framing_on_attitudes, accessed 01.12.2020.
16. Mio J. S. (1996) Metaphor, politics, and persuasion. *Metaphor: implications and applications*. Mahwah, Lawrence Erlbaum Associates. Pp. 127—146.